

Значение Бакунина в Интернациональном революционном движении

Варлаам Асланович Черкезишвилли

4 октября 1915

«Друзья и враги признают, что он был велик мыслями, волею неизменной энергиею».

Элизе Реклю. Карло Кафиеро.

Политически и философски прекрасно образованный, обладая в высшей степени ясным и увлекательным изложением, Бакунин оставил по смерти такое количество рукописей по вопросам социальным, политическим и философским, что полное собрание его сочинений на французском языке, издаваемое под редакцией Джемса Гильома, уже составляют шесть томов, хотя его знаменитые письма к испанской, итальянской и другим федерациям и к деятелям Интернационала еще не изданы.

Несмотря на такое обилие произведений Бакунина, писательство в его жизни было делом второстепенным. Прежде всего Бакунин был оратор, агитатор, восторженный инициатор революционных движений, заражавший своим энтузиазмом всех окружающих. Не как спокойный ученый философ Анархии Бакунин увлекал ряд замечательных людей различных национальностей, а увлекала его обаятельная личность, „его готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия» (А. Герцен, Посмертные сочинения.)

Вот этого самоотверженного и героического мыслителя-революционера Бакунина нам и желательно представить русскому читателю в речах, воззваниях и в кратких статьях самого автора. Его большие и лучшие произведения „Государственность и Анархия», «Кнуто-Германская Империя», составляют содержание первых двух, остальные-же тома будут составлены из речей, докладов и журнальных статей различных периодов революционной деятельности великого борца и мученика за социальное и политическое освобождение трудящихся классов и угнетенных национальностей. При самом беглом просмотре этих речей и статей, читателю станет ясно, почему Бакунин так высоко ценим эксплуатируемыми и угнетенными и так

ненавидим угнетателями и власть имущими или стремящимися к власти, включительно до главарей немецкой социаль-демо-кратии, не остановившимися перед самой черной клеветой на отважного революционного борца в цепях, прикованного к стене немецкого каземата...

Для более полного выяснения нашим читателям значения деятельности Бакунина для развития социально-революционных идей вообще, а федеративно-коммунального и анархического коллективизма в особенности, мы приведем здесь оценку его деятельности людьми, посвятившими жизнь, знания и таланты великому делу социального и умственного освобождения страждущего человечества.

Вот как оценивает деятельность и литературную манеру Бакунина П. А. Кропоткин:

„Говоря о Бакунине, следует оценивать его значение не по тому, что он сделал лично, сколько по влиянию, которое он оказывал на окружавших его людей — на их мысли и на их деятельность....

«Бакунин садился с целью написать брошюру в ответ на запрос дня. Но его брошюра разрасталась в книгу, потому что при его глубоком понимании философии истории, и с его громадным запасом знания современных событий, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

„Если вспомнить все то, что он и его друзья — а его друзья были Герцен, Огарев, Мадзини, Ледрю-Роллен и все лучшие люди и деятели революционного периода сороковых годов в Европе — передумали об этих, пережитых ими драмах, надеждах, разочарованиях; если вспомнить все, что они пережили во время полных надежд 1848-го года и последовавшей за тем реакции, — легко понять, как мысли, образы, доводы, почерпнутые из знания жизни, должны были роиться в голове Бакунина, и почему его философско-исторические воззрения так щедро пересыпаны фактами и суждениями из современной действительности.

„Любопытно однако, что каждая брошюра Бакунина отмечала поворотную точку в истории революционной мысли в Европе. Его речь на конгрессе „Мира и Свободы» была вызовом, брошенным всем радикалам Европы. Бакунин объявлял в ней, что эпоха радикализма сороковых годов закончена, и наступает новый фазис революционной жизни — эра рабочего социализма; что рядом с вопросом о политической свободе, встает вопрос об экономической независимости, и этот вопрос будет впредь преобладать в истории. Его брошюра, обращенная к мадзинианцам, возвещает конец чисто-политической революционной конспирации ради национального освобождения и начало социалистической революции, а также конец сентиментального социалистического христианства и начало атеистического коммунистического реализма в истории. Письмо Герцену, об Интернационале и базаровском реализме, имеет тот-же смысл для России.

„Бернские медведи» — прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, и „Письма французам», написанные во время войны 1870 — 71 года, составляют отходную Гамбеттовскому радикализму и возвещание той новой эры, которую вскоре открыла собою Парижская Коммуна, отбросившая идею Луиблановского государственного социализма и возвестившая новую идею, городского, коммунального коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территории, и начинающая у

себя социальную революцию — вот что рекомендовал он в этих „Письмах» против Немецкого вторжения.

«Кнута-Германская Империя», — брошюра, которую так ненавидят немецкие социаль-демократы — пророческий крик старого революционера, понявшего уже тогда (1871) весь ужас реакции, которая охватит Европу на целые тридцать, сорок лет, вследствие торжества бисмарковского военного государства, а с ним вместе — и государственного социализма, которого крестным отцом, в Германии, был тот-же Бисмарк. Она вместе с тем означала крутой поворот в сторону безгосударственного коммунизма, — анархии — в латинских странах.

„Наконец „Государственность и Анархия», «Историческое развитие Интернационала» и «Бог и Государство», — не смотря на боевую памфлетную форму, которую они получили, так как писались ради злобы дня, — содержат для вдумчивого читателя, больше политической мысли и больше философского понимания истории, чем масса трактатов, университетских и социаль-государственных, в которых отсутствие мысли прикрывается туманною, неясною, а следовательно непродуманною диалектикою. В них, нет готовых рецептов. Люди, ждущие от книги раз-решения всех своих сомнений, без собственной ра-боты мысли, не найдут этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слепо за автором, а смотреть на книгу, как на материал для мышления, — как на умную беседу, вызывающую от вас умственную работу, — тогда горячие, местами беспорядочные, а местами блестящие обобщения Бакунина помогут вашему революционному развитию несравненно больше, чем все вышеупомянутые трактаты, написанные с целью уверить вас, что вы годны только для повиновения и должны слепо идти за автором — в вашей мысли, и за главарем — в вашей деятельности.

„Впрочем, главная сила Бакунина была не в его писаниях. Она была в его личном влиянии на людей. Он сделал Белинского тем, чем он стал для России: типом неподкупного революционера, социалиста и нигилиста, который воплотился впоследствии в нашей чудной молодежи семидесятых годов. Он возродил его. — „Ты мой духовный отец», писал ему сам Белинский. А какую громадную силою был Белинский для русского развития — мы знаем.

«В Париже, в 1847 году (в этом году его изгнали), и в Германии в 1848 году, его влияние на лучших людей своего времени было громадно. Бернард Шоу рассказывает в полушутиливой форме (*The Perfect Wagnerite*), что в своем Зигфриде, не знающем страха и увлекающем своею любовью Брунгильду, Вагнер воплотил Бакунина. Он воплотил, конечно, не Бакунина в частности, а смелого, дерзкого революционера вообще. Но нет сомнения, что и на Вагнера, как и на Жорж Занд, и на Герцена с Огаревым, и на весь кружок социалистической Франции, живший тогда в Париже, и на Молодую Германию, и на Молодую Италию, и на Молодую Швецию, Бакунин оказал в свое время громадное влияние. — «К нему нельзя было подойти, не заразившись его революционною горячкою», говорили об нем его современники.

„Таким же оказался он когда, бежавши в 1862 году из Сибири, он появился снова среди своих друзей в Лондоне. Герцен, как известно, описал его появление в Лондоне, и слегка подсмеивался над тем, как Бакунин пропагандировал всяких славян. Весьма возможно, и наверно так и было, что Бакунин часто возлагал больше надежд на подходивших к нему людей, чем они того заслуживали. Но разве того же нельзя

сказать о Мадзини, о всяком искреннем революционере? Оттого, может быть, он и обладал такую магическую силою, что верил в человека, верил в то, что великое дело, к которому он его приобщал, пробудит в человеке то, что в нем есть лучшего. И оно действительно пробуждало, и под влиянием Бакунина человек давал революции в короткое время все лучшее, на что был способен.

„Герцен рассказывает в шутовском тоне, как Бакунин пропагандировал и посылал людей на дело. Но правда ли, что он действительно так ошибался в людях?... Разве люди, которых он вдохновлял в Италии, в Швейцарии, во Франции, разве Варлен, Элизе Реклю, Кафиеро, Малатеста, Фанелли (его эмиссар в Испании), Гильом, Швицгебель и т. д.. сгруппировавшиеся вокруг него в знаменитой Alliance. не были лучшие люди латинских рас в эту великую эпоху? Мне кажется, что его оценка людей была наоборот, поразительно верна. Прочтите, например, то что он писал об Нечаеве, которого и сильные и слабые стороны он определил так поразительно верно, что мы и теперь, ничего не можем прибавить к его оценке. Кто же лучше его понял Николая Утина — этого женева божка марксистов?

„Еще одно. Всего поразительнее, и всего поучительнее для нас — высокий нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокруг Бакунина в западной Европе. Я не знал Бакунина, но я знал близко большую часть людей, сгруппировавшихся в Интернационале вокруг него, и поэтому так неумолимо преследовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смело утверждаю, в лицо их ненавистникам, что каждый, из выше названных мною деятелей федеративного Интернационала представлял собою крупную нравственную личность. История, я знаю подтвердит эту характеристику, и конечно выскажет при этом сожаление, что в среде их противников, — по крайней мере в лице их главных руководителей, — был, может быть, ум, но нравственные начала не достигали такой же высоты и твердости, как среди названных мною друзей Бакунина.

„Что касается, наконец, значения деятельности Бакунина в Интернационале, то я охарактеризовал роль «бакунистов», говоря в моих „Записках» о Юрской Федерации.

«В эпоху, когда разгром Франции, избиение парижских пролетариев после Коммуны и военное торжество Немецкой Империи открыли период реакции, продолжающейся поныне, и когда Маркс со своими друзьями, с помощью подпольных интриг, захотел обратить всю деятельность рабочего Интернационала, созданного для прямой борьбы с капитализмом, в орудие парламентской агитации на пользу обуржуазившихся социалистов — «бывших людей» — тогда федеративный Интернационал, вдохновляемый Бакуниным, выступил единственным, в то время, оплотом против обще-европейской реакции.

„Ему мы обязаны, в значительной мере тем, что в латинских странах остался живым революционный дух, который нашел в рабочих латинских массах новую живую силу, чтобы бороться с резким поворотом на лево кругом, среди некогда радикальной буржуазии.

„И — среди этой молодой живой силы, обаявшей на свой страх, без всякой поддержки со стороны буржуев, войну всему старому миру, — в этой среде развился наконец, современный анархический коммунизм, с его идеалом равенства экономического и политического и его смелым отрицанием всякой эксплуатации человека человеком.

„Таковы заслуги Бакунина в истории.

Июнь 1905 г. П. Кропоткин».

А вот характеристика, правда, несколько юмористическая, но все же полная глубокой симпатии и данная Герценом (см. Посмертные Сочинения): —

„15 Октября 1861 г., С.-Франциско.

„Друзья, мне удалось бежать из Сибири, и после долгого странствования по Амуру, по берегам Татарского пролива и через Японию, сегодня прибыл я в С.-Франциско.

„Друзья, всем существом стремлюсь я к вам и, лишь только приеду, примусь за дело, буду у вас служить по польско — славянскому вопросу, который был моей *idée* с 1846 г. и моей практической специальностью в 1848 и 1849 гг.

«Разрушение, полное разрушение Австрийской империи будет моим последним словом; не говорю делом, это было бы слишком честолюбиво; для служения ему я готов идти в барабанщики, или даже в прохвосты, и, если мне удастся хоть на волос подвинуть его вперед, я буду доволен.

„О намерении Бакунина уехать из Сибири мы знали несколько месяцев прежде. К новому году явилась и собственная пышная фигура Бакунина в наших объятиях.

«В нашу работу, в наш замкнутый двойной союз, взошел новый элемент, и то, пожалуй элемент старый, воскресшая тень сороковых годов и всего больше 1848 г. Бакунин был тот-же, он состарелся только телом, дух его был молод и восторжен, как в Москве во время всенощных споров с Хомяковым; он был так же предан одной идее, так же способен увлекаться, видеть во всем исполнение своих желаний и идеалов, и еще больше готов на всякий опыт, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впереди остается не так много и что, следственно, надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Он тяготился долгим изучением, взвешиванием *pro* и *contra* и рвался, доверчивый и отвлеченный, как прежде, к делу. Фантазии и идеалы, с которыми его заперли в Кенигштейне в 1849 г., он сберег и привез их через Японию и Калифорнию в 1861 г. во всей целости. Даже язык его напоминал лучшие статьи „*Reforme*» и «*Vraie Republique*»¹, резкие речи *de la Constituante* и клуба Бланки. Тогдашний дух партий, их исключительность, их симпатии и антипатии к лицам, пуще всего их вера в близость второго пришествия революции, все было на лицо.

„Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняют сильных людей, если не тотчас их губят: они выходят из нея, как из обморока, продолжая то, на чем лишились дознания.

„Европейская реакция не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы от 1848 до 1858; они ему были известны вкратце, издалика, слегка... Как человек, возвратившийся после мора, он слышал о тех, которые умерли, и вздохнул об них, обо всех; но он не сидел у изголовья умирающих, не надеялся на их спасение, не шел за их гробом. Совсем напротив, события 1848 года были возле, близки к сердцу, подробные и живые разговоры с Коссидьером, речи славян на Пражском с'езде, спор с Араго или Руге, — все это было для Бакунина вчера, звенело в ушах, мелькало перед глазами.

„Впрочем, оно и не мудрено.

---

¹ Республиканские французские журналы конца 40-х годов.

„Первые дни после февральской революции были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись из Бельгии, куда его вытурил Гизо за его речь на польской годовщине 26 ноября 1847 года, он с головой нырнул во все тяжкие революционного моря. Он не выходил из казарм монтаньяров, ночевал у них, ел с ними и проповедывал, все проповедывал коммунизм et legalite du salaire, нивеллирование во имя равенства, освобождение всех славян, уничтожение всех Австрий, революцию en permanence, войну до избиения последнего врага. Префект с баррикад, делавший „порядок из беспорядка», Коссидьер, не знал, как выжить дорогого проповедника, и придумал с Флоконом отправить его, в самом деле, к славянам с братской акколадой и уверенностью, что он там себе сломит шею и мешать не будет.

„Когда я приехал в Париж из Рима в начале мая 1848 года, Бакунин в это время уже витийствовал в Богемии, окруженный староверскими монахами, чехами, кроатами, и витийствовал до тех пор, пока князь Виндишгрец не положил пушками предела красноречию (и не воспользовался хорошим случаем, чтобы при сей верной okazji не подстрелить невзначай своей жены). Исчезнув из Праги, Бакунин является военным начальником Дрездена; бывший артиллерийский офицер учит военному делу, поднявших оружие профессоров, музыкантов и фармацевтов; советует им Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городские стены и ими защищаться от Пруссиков, которые zu klassisch gebildet, чтоб осмелиться стрелять по Рафаэлю.

«После взятия Дрездена, начался длинный матриролог. Напомню здесь главные черты. Бакунин был приговорен к эшафоту. Король Саксонский заменил топор вечной тюрьмой, потом без всякого основания, передал Бакунина в Австрию. Австрийская полиция думала от него узнать что нибудь о славянских замыслах. Бакунина посадили в Грачин, и, ничего не добившись, отослали в Ольмюц....

«В России Бакунин был посажен в крепость. В 1854 г. Бакунина перевели в Шлиссельбург, а в 1857 г. он был сослан в Восточную Сибирь...

„Как только Бакунин огляделся и учредился в Лондоне, т. е. перезнакомился со всеми поляками и русскими, которые были на лицо, он принялся за дело. К страсти проповедывания, агитации, пожалуй, демагогии, к непрерывным усилиям учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение, у Бакунина прибавляется готовность первому идти, на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия.

«Бакунин имел много недостатков. Но недостатки его были мелки, а сильные качества крупны.

«Говорят, будто Тургенев, в «Рудине» хотел нарисовать портрет Бакунина. Тургенев, увлекаясь библейской привычкой, создал Рудина по своему образу и подобию. Рудин Тургенева — наслушавшийся философского жаргона, — молодой Бакунин.

«В Лондоне он говорил в 1862 году против нас почти то, что говорил в 1847 году против Белинского. Бакунин находил нас умеренными, не умеющими пользоваться тогдашним положением, недостаточно любящими решительные средства. Он, впрочем, не унывал и верил, что в скором времени поставит нас на путь истинный. В ожидании нашего обращения, Бакунин сгруппировал около себя целый круг Славян. Тут были чехи, от литератора Фрича до музыканта, называвшегося Наперстком, сербы, которые просто величались по батюшке: Иоанович, Данилович, Петрович; были валахи, состоявшие в должности славян, с своим вечным еско на конце; наконец,

был болгарин, лекарь в турецкой армии, и поляки всех епархий: Бонапартовской, Мерославской, Чарторыжской; демократы без социальных идей, но с офицерским оттенком; социалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотевшие где-нибудь подраться, в северной или южной Америке.

„Отдохнул с ними Бакунин за девятилетнее молчание и одиночество.. Он спорил, проповедывал, распоряжался, кричал, решал, направлял, организовывал и ободрял целый день, целую ночь, целые сутки. В короткие минуты, остававшиеся у него свободными, он бросался за свой письменный стол, расчищал небольшое место от табачной золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писем: в Семипалатинск и Арад, в Белград и Царьград, в Бессарабию, Молдавию и Белую Криницу. Середь письма он бросал перо и приводил в порядок какогонибудь отсталого далмата и, не кончивши своей речи, схватывал перо и продолжал писать; это, впрочем, для него было облегчено тем, что он писал и говорил об одном и том же. Деятельность его и все остальное, как гигантский рост, все было не по человеческим размерам, как и он сам; а сам он — исполин с львиной головой, со всклокоченной гривой.

«В пятьдесят лет он был решительно тот-же кочующий студент с Маросейки, тот-же бездомный Bohemien с Rue de Bourgogne, без забот о завтрашнем дне, пренебрегая деньгами, бросая их, когда есть, занимая их без разбора на-право и на-лево, когда их нет, с той простотой, с которой дети берут у родителей, без заботы об уплате, с той простотой, с которой он сам отдает всякому последние деньги, отделив от них, что следует, на сигареты и чай. Его этот образ жизни не стеснял; он родился быть бродягой, бездомником. В нем было что-то детское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мешан. Его личность, его эксцентрическое появление везде: в кругу московской молодежи, в аудитории берлинского университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его речи в Праге, его начальствование в Дрездене, процесс, тюрьма, приговор к смерти, истязания в Австрии, выдача его в Россию, — делают из него одну их тех индивидуальностей, мимо которых не проходит ни современный мир, ни история.

„В этом человеке лежал зародыш деятельности, на которую не было запроса. Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, ересиархом, бойцом. Поставьте его, куда хотите, только в крайний край: анабаптистом, якобинцем, товарищем Анахарсиса Клоотца, другом Гракха Бабефа.

„Когда в споре, Бакунин, увлекаясь с громом и треском обрушивал на голову противника облаву брани, которой бы ни никому не простили, Бакунину прощали, и я первый.

«Как он дошел до женитьбы, я могу объяснить только сибирской скукой. Он свято сохранил все привычки и обычаи родины, т. е. студентской жизни в Москве: груды табаку лежали на столе в роде приготовленного фуража, зола сигар над бумагами с недопитыми стаканами чая; с утра дым столбом ходил по комнате от целого хора курильщиков, куривших точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словом, так как курят одни русские и славяне. Много раз наслаждался я удивлением, сопровождавшимся некоторым ужасом и замешательством, хозяйской горничной Грасс,

когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара в эту готовальню славянского освобождения.

«Долго после отезда Бакунина из Лондона, в №10 Paddington Green, рассказывали об его житье-бытье, ниспровергнувшем все упроченные английскими мещанами понятия и религиозно принятые ими размеры и формы. Заметьте при этом что горничная и хозяйка без ума любили Бакунина».

К этим отзывам двух знаменитых русских авторов мы прибавим несколько кратких отзывов о Бакунине социалистов Западной Европы.

Вот великий географ анархист Элизе Реклю, чья долгая трудовая жизнь была чиста как кристал, и кто по возвышенности и широте своих гуманитарных воззрений остается навсегда украшением человечества. Он знал Бакунина лично: знал его в Интернационале, знал лектором и публицистом. В небольшом предисловии к первому изданию «Бог и Государство» (Dieu et l'Etat), подписанном Е. Реклю и К. Кафiero, мы читаем следующие строки:

«Друзья и враги признают, что он был велик мыслями, волею, неизменною энергиею; знают они и то, с каким глубоким пренебрежением относился он к богатству, к общественному положению, к славе... По родственным связям принадлежал к высшему дворянству, он один из первых примкнул к возмущившимся против классовых и расовых интересов и предубеждений, и отказавшимся от личных благ, вместе с ними он вел суровую битву жизни, с мрачною тюрьмою, изгнанием и страданиями — обычным уделом всех самоотверженных борцов...

«Среди учащейся молодежи в России, среди инсургентов Дрездена, среднего братства по изгнанию в Сибири в Америке, в Англии, во Франции, в Швейцарии, в Италии, среди всех искренних людей, его непосредственное влияние было замечательно. Оригинальность его мысли, образность и увлекательность его красноречия, его неустанная энергия пропагандиста, вместе с его могущественной фигурой, полной неиссякаемой жизненности, оставили неизгладимое влияние среди революционеров повсюду... Переписка Бакунина была необыкновенно обширная. Он проводил бессонные ночи за письмами к друзьям и революционерам. Некоторые из этих писем о способах и задачах пропаганды, о планах подготовки заговоров и восстаний, разрослись в целую книгу. Письма эти лучше всего объясняют удивительное влияние Бакунина на революционное движение своего века...

«Среди имен людей, принимавших участие в великой революционной борьбе обновления имя Бакунина, бесспорно, занимает первое место».

Под этими строками, рядом с именем Э. Реклю, стоит имя итальянца Карло Кафiero, отдавшего социалистическому движению свое большое состояние и свою служебную карьеру. Несколько раньше появления этих строк, по предложению Кафiero и Кропоткина, анархисты-федералисты объявили себя коммунистами.

А вот письмо к А. Герцену о Бакунине знаменитого историка Великой Революции Жюль Мишле. Письмо писано в 1855 г., когда Бакунин шестой год был заключен в казематах Шлиссельбурга:

„Да будет вам известно, друг, что в моем доме, где я не имел еще счастья вас принимать, первое место с правой стороны моего семейного очага занято русским нашим

Бакуниным. Образ дважды драгоценный, дважды трагический, дважды близкий, нарисованный для меня рукой умирающей М-ме Герцен.

„Священный образ, таинственный талисман, всегда оживляющий мой взор, наполняющий сердце мое жалостью, мечтами, океаном мыслей. Он Восток, он Запад, он союз двух миров.

«Это Запад, это недрогнувшая шпага и мужественный воин, раньше всех очнувшийся, раньше февральских дней, начертавший сталью на скрижалях «Reforme», презрение, вызов на дуэль Бакуниным Николая (Речь о Польше).

«Это Восток, законное (legitime) сопротивление Руси великой и святой самозванному правительству, угнетающему и растлевающему народ; это усилие для возвращения народа с пути макиавелизма, куда его тащит царизм, к его естественному призванию мирного посредника между Европой и Азией.

«Наконец, дорогой друг, этот портрет есть залог союза, прекрасное, великое воспоминание о самопожертвовании того, для кого родиной стала вселенная. Как известно, Россия угнетена немцами; но когда раздался древний германский клич: „Кто умрет с нами за свободу Германии?“ — предстал русский, бросился в первые ряды, и ни одного немецкого патриота не было там раньше его. Когда Германия станет опять настоящей Германией, этому русскому (Бакунину) там воздвигнут алтарь»².

Алтаря в Германии Бакунину еще не воздвигали, но наш друг австриец доктор филологии Макс Неттлау воздвиг ему, „говоря стихами Пушкина, „Памятник нерукотворный» в трех томной (in folio) громадной биографии. «Памятник» Неттлау, в своем роде, единственное историко-литературное произведение. Не только жизнь и деятельность Бакунина были впервые описаны, но автор собрал документы, письма, газеты журналы, прокламации; перерыл все библиотеки столиц и университетских городов Западной Европы; списывался и лично виделся с людьми, знавшими Бакунина во Франции, в Италии, Швейцарии, Испании и других странах, и после многолетних неустанных исследований на всех языках не исключая, русского, польского и других славянских языков, Неттлау воскресил эпохи сороковых, шестидесятых и семидесятых годов с их социально-революционным движением. Об ученом достоинстве труда нашего друга немца можно судить по его «Bibliographic de l'Anarchie» (1897 г.) Этот том в 300 страниц был приготовлен в несколько недель во время писания последнего тома биографии Бакунина.

Вот как ученый биограф-историк оценивает Бакунина в статье по поводу столетней годовщины рождения последнего („Freedom». Июнь 1914 г.):

«Он видел яснее всех предшествовавших социалистов тесную связь власти религиозной, политической и социальной, воплощенных в Государстве, с экономической эксплуатацией, и с гнетом. По этому Анархизм для него был необходимым базисом и самым существенным фактором настоящего социализма... Для него свобода умственная, личная и социальная не отделимы и Атеизм, Анархизм и Социализм является органическим единством... По моему мнению, пропаганда Бакуниным социализма всеобъемлющего — явление единственное...

«Людей, опередивших свой век и прокладывающих новые пути грядущим поколениям, называют пророками и мечтателями, мыслителями и революционерами,

---

² См. статью Габриеля Моно в «La Revue», 15 мая 1907.

но между всеми борцами за свободу и за социальное счастье для всех Бакунин полнее всех «совмещал в своей деятельности все поименованные качества... Никто не обладал ему подобным великим дарованием вливать в один революционный поток различные течения революционной мысли, ни пламенным стремлением вызывать коллективное движение. Дарование это и составляло самую чарующую черту характера Бакунина».

Другой немец, только не ученый, не социалист и не анархист, а просто честный человек и музыкант — бывший директор Консерватории в Берне, А. Рейхель — оставил нам трогательную характеристику³. Рейхель познакомился с молодым Бакуниным в 1842 году. С самой первой встречи у них установилась дружба на всю жизнь:

«Михаил скоро сумел силой своей увлекательной речи завоевать мою симпатию и симпатию моей старшей сестры». Симпатия не замедлила превратиться в дружбу. «Эта дружба была основана на чистоте идеи, которой Бакунин руководился в своих политических делах, а я в музыкальных». Рассказав в кратких словах их путешествие, совместную жизнь в Париже, участие Бакунина в революции 1848 г., его процесс, заключение, ссылку, Рейхель останавливается на их встречах в последние годы жизни своего друга, и вспоминает:

„Я помню, как в прежнее время я спрашивал его в виде возражения, что он намерен делать, если бы исполнились все его реформаторские планы? Он отвечал мне: «Тогда я все опрокину! А ты играй, милый друг, и не рассуждай! Ты знаешь не хуже меня, что перед вечностью все тщетно и ничтожно». И после этого он мог совершенно погрузиться в музыку, которая не допускала никакого вопроса и не требовала ответов, Он имел такую верную память, что после нашей долгой разлуки мог напомнить мне мелодии, о которых я давно забыл. Он утверждал, что часто, в тюремном уединении, эти мелодии утешали его и оживляли. И как музыкальные впечатления оставались верно в его памяти, так же неизменно удерживал он отношения с людьми связанными с ним дружбой; и они тоже в разлуке с ним сохранили к нему любовь и привязанность».

О музыкальности Бакунина говорит и Джемс Гильом; слышал я об этом и от Турского и от других русских эмигрантов. По словам Рейхеля, „...Он мог слушать музыку по целым часам; произведения Бетховена производили на него самое сильное впечатление... В вечер своего последнего приезда из Лугано, он пришел ко мне развлечься музыкой и только, когда усилившая боль схватила его внезапно, он вскрикнул: «довольно, не могу больше!» И мне пришлось проводить его в больницу, из которой не суждено было ему выйти».

Заканчивает Рейхель свои воспоминания следующими трогательными словами: «Я желаю, чтобы сведения об его жизни были написаны с талантом и свободны от партийности... чтобы было указано значение его стремления к общему благу и к правде, для которых страдал всегда восторженный Бакунин».

О Михаиле Александровиче Бакунине создалась целая литература на всех европейских языках. Кроме капитального труда доктора М. Неттлау, прекрасный биографический очерк дан Джемсом Гильомом во втором томе «СЕuvres». Хороший

---

³ В анархическом журнале «La Revolte» в приложениях 25 ноября и 2 декабря 1893 г. Приведено у Драгоманова и у Балашева.

очерк дан Альбертом Франсуа в его „Michel Bakounine et la Philosophie de l'Anarchie», которым пользовался Людвиг Кульчицкий при составлении своей добросовестной брошюры „М. А. Бакунин, его идеи и деятельность». Недурен очерк Гюбера Лагарделя „Bakounine. Conference. 24 Janvier 1908. Симпатичны, хотя слабы фактически, очерки итальянцев Андреа Коста, Дж. Доманико, Молинари, Турати.

На русском языке, кроме очерка А. И. Герцена, существует биография Бакунина, составленная, с явным желанием дискредитировать великого революционера, М. Драгомановым⁴. К сожалению, эта биография, правда, с указанием на враждебность, была перепечатана в издании сочинений Бакунина Балашевым (1906 г.). Покойный В. Богучарский, в своем труде „Активное Народничество семидесятых годов», дал, хотя и беглый, но чрезвычайно добросовестный очерк жизни и деятельности Бакунина. Автор, согласно с трудами Неттлау, Гильома и Герцена, превосходно разбивает гнусные, черные клеветы Маркса, Энгельса. Либкнехта-отца и других социал-демократов против Бакунина (см. страницы (63 — 100).

Жизнь Бакунина распадается на четыре резко отличавшихся периода:

Бакунин идеалист и гегельянец в Москве с 1835 по 1840;

Идеалист революционер в Западной Европе с 1842 по 1848;

Узник в цепях в Саксонии, в Австрии, в Шлиссельбурге с 1849 по 1856, а потом в ссылке в Сибири до июля 1861 г., когда он бежал, через Японию и С.-Штаты, в Англию;

Четвертый и последний период — Бакунин материалист, эволюционист и анархист-революционер, деятельный интернационалист вплоть до смерти — 1-го июля 1876 года.

Каждый из этих периодов жизни Бакунина имел свое историческое значение. Юношей двадцати-одного года, он примыкает в Москве к кружку Станкевича, сыгравшего такую важную роль в истории умственного развития русского общества в тридцатых и сороковых годов. Достаточно напомнить, что пылкому и благородному литературному критику Белинскому — „неистовому Виссариону» кружка — немецкую метафизику, а в особенности метафизику Гегеля переводил и толковал Бакунин. Даровитые, идеально чистые молодые философы, под влиянием все оправдывающей формулы Гегеля «все существующее разумно» было погрязли в глубочайшую политическую реакцию. Не войди в их среду естественник Герцен, воспитанный на французских энциклопедистах, кто знает что бы с ним стало? Материалист и политический радикал, Герцен бросил им вызов, и бой закипел. Вот рассказ Герцена о том;

„Знаете ли, что с вашей точки зрения, сказал я (Белинскому), думая поразить его моим революционным ультиматумом, вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать.

---

⁴ Самая поразительная нелепость у Драгоманова — печатание возмутительного Катехизиса Нечаева среди писем и статей Бакунина под предлогом, что дикие измышления несчастного и мало образованного Нечаева напоминают Бакунина!

— «Без всякого сомнения, отвечал Белинский, и прочел мне Бородинскую годовщину Пушкина.

„Этого я не мог вынести, и отчаянный бой закипел между нами. Размолвка наша действовала на других; круг распадался на два стана. Бакунин хотел примирить, объяснить, заговорить, но настоящего мира не было. Белинский, раздраженный и недовольный, уехал в Петербург и оттуда дал по нас залп в статье, которую так и назвал „Бородинской годовщиной».

«Я прервал с ним все сношения. Бакунин, хотя и спорил горячо, но стал призадумываться, его революционный такт толкал его в другую сторону. Белинский упрекал его в слабости, в уступках и доходил до таких преувеличенных крайностей, что пугал своих собственных приятелей и почитателей. Хор был за Белинского и смотрел на нас свысока, гордо пожимая плечами и находя нас людьми отсталыми».

Известно, как влияние Герцена восторжествовало над Белинским и над Бакуниным, уехавшим в 1840 г. в Берлин для окончания философского образования. Толчек, данный Герценом, пробудил в Бакунине дремавшего революционера, и через два года появляется в *Deutsche Jahrbucher* Арнольда Руге (1842 г.) его знаменитая статья «Реакция в Германии» под псевдонимом француза Жюль Элизара. Заканчивалась статья фразой, ставшей знаменитой, особенно ее вторая часть. „Доверимся», гласит фраза, „вечному духу, он разрушает и уничтожает, потому что он неизмеримый источник и вечный творец жизни. Желание разрушения есть в то же время желание созидательное».

Статья сразу сделала популярным Бакунина среди радикальной и революционной молодежи. У него завязываются связи и дружба с революционным поэтом Гервегом, с Руге, с братьями Фогт, с коммунистами Вейтлинга, с музыкантом Рейхелем и другими в Германии и Швейцарии. В 1844 г. русское правительство начало свои первые преследования Бакунина и он должен был уехать из Швейцарии в Париж, куда он направился через Брюссель, где, проездом, сразу сблизился с знаменитым польским историком изгнанником Лелевелем и другими поляками.

В Париже он встретил своих друзей Гервега и Руге, через которых он вошел в радикально-социалистические круги. Прудон и Жорж Занд, Флокон и Ледрю Роллен, Рейхель и Шопен, поляки-изгнанники, социалисты всех национальностей, и между ними Маркс, составляли тот обширный круг, в котором вращался и быстро стал вырабатываться Бакунин, социалист, революционер и федералист с оттенками анархизма. Особенно близок он был с Прудоном, с которым, как с Белинским в Москве, он просиживал целые ночи в спорах и толкованиях диалектики. Париж в эти годы (1845–48) был очагом социалистической, революционной и республиканской агитации. Тем, другим и третьим увлекся и жил молодой, пылкий и красноречивый Бакунин. Когда представился случай, 29 ноября 1847 г., он произнес блестящую речь в которой уже нет и следа немецкой метафизики, уступившей место ясному и точному мышлению французскому.

За эту речь Бакунин был изгнан из Франции. Но через три месяца разыгралась Февральская революция и изгнанник возвратился из Брюсселя, а что он делал в Париже — мы видели выше (см. слова Герцена, стр. 12). Однако, Бакунин не долго оставался в Париже. Революционное брожение охватывало и Германию с Австрией, где Венгрия быстро приближалась к революции, а чехи и другие славяне заговорили о

национальных правах. Бакунин поехал через Берлин в Познань, откуда он пробрался в Прагу. Он играл видную роль на славянском съезде и в Пражском восстании, но за быстрым подавлением последнего, он возвратился в Германию, где, скрываясь от преследований, он издал ниже приводимые воззвания к славянам.

В начале 1849 г. Бакунин находился в Лейпциге. Саксонский король отказался ввести новую германскую конституцию Франкфуртского парламента, вследствие чего, в мае месяце, вспыхнула революция в Дрездене. Здесь Бакунин покрыл себя славою, предводительствуя при защите города от прусских войск. Город продержался всего пять дней; предводители восстания принуждены были оставить Дрезден, и Бакунин, вместе с композитором Рихардом Вагнером и с Гейбнером направились в Хемниц, где Вагнеру удалось скрыться у своей сестры, а Бакунина с Гейбнером арестовали. С этого момента начались долгие годы тюремного заключения в цепях, с прикованием к стене... В письме к Герцену из Сибири (декабрь 1860) Бакунин сам рассказал об этих годах следующее:

«Я намерен вскоре послать вам подробный журнал моих *faits et gestes* со времени нашей последней разлуки в Avenue Marigny, а теперь скажу только несколько слов о своем настоящем положении. Просидев год в Саксонии, сначала в Дрездене, потом в Konigstein, около года в Праге, около пяти месяцев в Ольмюце и прикованный к стене, — я был перевезен в Россию; в Германии и Австрии мои ответы на допросы были весьма коротки: «Принципы вы мои знаете, я их не таил и высказывал громко; я желал единства демократизованной Германии, освобождения Славян, разрушения всех насильственно сплоченных царств, прежде всего разрушения Австрийской Империи; — я взят с оружием в руках — довольно вам данных, чтоб судить меня. Больше же ни на какие вопросы я вам отвечать не стану». В 1851 году в мае я был перевезен в Россию, прямо в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин, — где я просидел 3 года. Месяца два по моем прибытии, явился ко мне граф Орлов от имени государя: «Государь прислал меня к вам и приказал вам сказать: скажи ему, чтоб он написал мне, как духовный сын пишет к духовному отцу, — хотите вы писать?» Я подумал немного и размыслил, что перед *jury*, при открытом судопроизводстве, я должен бы был выдержать роль до конца. Но что в четырех стенах, во власти медведя, я мог без стыда смягчить формы, и потому потребовал месяц времени, согласился — и написал в самом деле род исповеди, нечто в роде *Dichtung und Wahrheit*; — действия мои были, впрочем, так открыты, что мне скрывать было нечего. — Поблагодарив Государя в приличных выражениях за снисходительное внимание, я прибавил: — «Государь, вы хотите, чтоб я вам написал свою исповедь, хорошо, я напишу ее; но вам известно, что на духу никто не должен каяться в чужих грехах. После моего кораблекрушения у меня осталось только одно сокровище, честь и сознание, что я не изменил никому из доверившихся мне, и потому я никого называть не стану». После этого, а *quelques exceptions pres*, я рассказал Николаю всю свою жизнь за границую, со всеми замыслами, впечатлениями и чувствами, при чем не обошлось для него без многих поучительных замечаний на счет его внутренней и внешней политики. Письмо мое, рассчитанное во-первых, на ясность моего повидимому безвыходного положения, с другой же на энергический нрав Николая, было написано очень твердо и смело и именно потому ему очень понравилось. — За что я ему действительно благодарен, это, — что он по получении его ни о чем более меня

не допрашивал. — Просидев три года в Петропавловской, я при начале войны в 1854 году был перевезен в Шлиссельбург, где просидел еще три года, У меня открылась цинготная и выпали все зубы. Страшная вещь пожизненное заключение: влачить жизнь без цели, без надежды, без интереса. Каждый день говорить себе: «сегодня я поглупел, а завтра буду еще глупее». С страшной зубною болью, продолжавшеюся по неделям и возвращавшеюся по крайней мере, по два раза в месяц, не спать ни дней, ни ночей, — чтобы ни делал, чтобы ни читал, даже во время сна чувствовать какое то беспокойное ворочание в сердце и в печени с *sentiment fixe*: я раб, я мертвец, я труп. Однако, я не упал духом; если б во мне оставалась религия, то она окончательно рушилась бы в крепости. — Я одного только желал: не примириться, не резинироваться, не измениться, не унизиться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане, — сохранить до конца в целостности святое чувство бунта. Николай умер, я стал живее надеяться. Наступила коронация, амнистия. Александр Николаевич собственноручно вычеркнул меня из поданного ему списка, и когда спустя месяц мать моя молила его о моем прощении, он ей сказал: «*Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra, il ne pourra jamais etre libre*». После чего я заключил с приехавшим ко мне братом Алексеем условие, по которому я обязывался ждать терпеливо еще месяц, по прошествии которого, если б я не получил свободы, он обещал привезть мне яду. Но прошел месяц, — я получил объявление, что могу выбрать между крепостью или ссылкой на поселение в Сибирь. Разумеется, я выбрал последнее. Не легко досталось моим освобождение меня из крепости; Государь с упорством барана отбил несколько приступов: раз вышел он к князю Горчакову (министру иностранных дел) с письмом в руках (именно тем письмом, которое в 1851 г. я написал Николаю) и сказал: «*mais je ne vois pas le moindre repentir dans cette lettre*» — дурак хотел *repentir*! Наконец, в марте 1857 года я вышел из Шлиссельбурга, пробыл неделю в 3-м Отделении, и по Высочайшему соизволению сутки у своих в деревне, а в апреле был привезен в Томск. Там прожил я около двух лет, познакомился с милым польским семейством, отец которого Ксаверий Васильевич Квятковский служит по золотопромышленности. В версте от города, на даче, или как говорится в Сибири, на замке Астангово жили они в маленьком домике тихо и по старосветски. Туда стал я ходить всякий день, и предложил учить французскому языку и другому двух дочерей, сдружился с моею женою, приобрел ее полную доверенность, — я полюбил ее страстно, она меня также полюбила, — таким образом я женился и вот уже два года женат и вполне счастлив. Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно если этот другой милая женщина, — я отдался ей весь, она же разделяет и сердцем и мыслью все мои стремления. Она полька, но не католичка по убеждению, поэтому свободна также и от политического фанатизма, она славянская патриотка. Генерал-Губернатор Западной Сибири, Гасфорд, без моего ведома, выхлопотал мне высочайшее соизволение на вступление в гражданскую службу, — первый шаг к освобождению из Сибири, но я не мог решиться воспользоваться им — мне казалось, что надев кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность; хлопотал же я о переселении в Восточную Сибирь и наконец выхлопотал; боялись для меня симпатии Муравьева, который приезжал в Томск отыскать меня и явно, публично высказал мне свое уважение. Долго не соглашались, наконец согласились. В марте 1859 г. я переселился в Иркутск...»

Ко времени побега Бакунина из Сибири, европейская реакция, следовавшая за разбитой революцией 1848 г. была изжита: на Западе, особенно, во Франции и в Англии, рабочее движение развилось, вопреки всем усилиям реакции, и стало принимать международный характер (Интернационал был задуман рабочими французами и англичанами в 1862 г.). А в России, впервые в истории ее внутренней жизни появилась социально-революционная демократия, известная под кличку «нигилизма». Интернационал окончательно сложился только к концу 1866 г., а через год — в июле 1868 — Бакунин вступил членом великой Ассоциации и не замедлил проявить свою обычную энергию публициста, оратора, лектора. Как Бакунин понимал цели и приемы международного социально-революционного движения рабочего класса — можно судить по ниже печатаемым статьям «Политика Интернационала» и «К товарищам»

Относительно распада Интернационала, интриг и клевет Маркса против Бакунина и Джемса Гильома, их чудовищно глупого изгнания из Ассоциации и распада последней, поговорим ниже. А теперь обратимся к русскому революционному движению шестидесятых годов.

Великое, идеально-чистое и героическое движение в народ охватившее русскую молодежь в 70-х годах, зародилось и развивалось все предшествовавшее десятилетие. Народничество 60-х годов распалось на два направления: культурно-легальное и революционное, но и то и другое черпало свои идеи из Герцена, Добролюбова, Чернышевского и других авторов того же направления. На революционную часть, в частности, особенно повлияли прокламация М. Л. Михайлова „К Молодому Поколению» прокламация «Молодая Россия», с кличем: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» и брошюра Бакунина «Народное Дело», изданное в Лондоне в 1862 г. и призывавшая молодое поколение идти в народ.

О сближении образованного общества с народом, о служении его интересам, о задачах молодого поколения в деле народного образования, народной медицины, артелей, кооперативного кредита и прочих видов хождения и сближения с народом говорили все, и культурники, и революционеры; в большинстве случаев, они даже и работали вместе: — разделение между двумя течениями тогда еще не произошло; поэтому мы и видим, что с «каракозовцами» были в самом тесном сотрудничестве такие кроткие и мирные друзья народа, как покойный Христофоров, устроитель рабочих артелей в Саратове, и мировые посредники Бибиков и Маликов, через которых „каракозовцы» думали устроить артельную вагранку в Калужской губ. Тоже повторилось и в Нечаевском деле, когда рядом с действительными социалистами революционерами Успенским, Ткачевым и еще с пятью, шестью их друзьями, на скамьях подсудимых сидели десятки невинных, мирных культурников друзей народа. Но выработка типа народника революционера совершалась непрерывно и вырабатывался он согласно основным положениям брошюры Бакунина и прокламации «Молодая Россия». Обе звали к социальной революции, обе требовали автономию общин, областей и национальностей со свободной их федерацией. Но прокламация предлагала революцию несколько якобинскую, тогда как Бакунин звал молодежь в народ.

«Теперь главную роль в нем (в движении) будет играть народ, говорил Бакунин. Он есть главная цель и единая, настоящая сила всего движения. Молодежь понимает, что жить вне народа становится делом невозможным, и что кто хочет жить, должен жить для него. В нем одном жизнь и будущность, вне его мертвый мир. ...И если будущность для нас существует, так только в народе. Ей (молодежи) предстоит подвиг... очистительный подвиг сближения и примирения с народом»

А что же предлагал он революционерам? «...станем под знаменем „Народного Дела«. За тем по пунктам перечислялись требования революционеров: вся земля собственность целого народа; самоуправление местное, областное, государственное; восстановление полной свободы Польше, Литве, Украине, Финам, Латышам и Кавказу; добровольный федеративный союз с названными народностями, и проч.

Благодаря такой постановке революционного дела, молодежь всех национальностей приняла активное участие с самого начала движение (1861 — 62). Но скоро движение приостановилось. Преследование конституционного движения и студенчества, арест и ссылка Михайлова, арест Чернышевского и закрытие «Современника», надвигавшаяся и вскоре разразившаяся польская революция... все это разом отбросило в реакцию либералов поколения отцов, и мы молодое поколение, принуждены были замкнуться в тайные, изолированные кружки. Мы пережили тогда не только враждебность к нам либералов, но даже с нашим идолом Герценом возникли недоумения, и в довершение всех бед, Бакунин, увлеченный польской революцией, а потом итальянским движением, совершенно оставил русские дела. Вплоть до лета 1868 года, в кружках Москвы и Петербурга регулярных сношений с эмиграцией не было.

Уйдя в «подполье», молодое народничество не только оставалось верно выше приведенным призывам и заветам, но действительно начало сближаться с рабочими, заводя артели (Москва, Саратов, Харьков, Нижний), при чем интеллигенция, женщины и мужчины, сами работали, чтобы вести пропаганду. Московская группа, известная под именем Каракозовцев, была особенно активна, имея связи с Петербургом, с Поволжием и во внутренних губерниях.

Вот в этот начальный период (1864 — 65) и стало вырабатываться воззрение, столь скандализовавшее либералов, и за которое так нападали на не причастного Бакунина, только одобрявшего, спустя пять лет, воззрение, по которому убежденному и последовательному социалисту-народнику нельзя заедать чужого хлеба, жить жизнью привилегированного общества на труде обездоленного крестьянства. Какая разница с точки зрения производителя между нами, только болтающими о грядущем, и нашими отцами, жившими трудом крепостных? — Никакой, был ответ. Одинаково социальные паразиты. Выход из этого положения представляется двоякий: либо, отказавшись от всех привилегий, уехать в С.-Штаты, в страну Линкольна и великой демократии, и там зажечь трудовую жизнь свободного гражданина; либо же в самой России слиться с жизнью производителя, т. е., с народом, и повести в нем пропаганду социализма и революции. На такое дело достаточно и образования среднего с начитанностью по социализму, по истории революционных движений и современной борьбы рабочего класса во Франции и в Англии.

Но всего этого «казенная» наука наших университетов не дает. Побросаем их. К черту «казенную» науку.

Вот за это отрицание казенной науки и за решение идти на практическую работу пропагандиста социальной революции народившееся народничество и крестили прозвищами нигилистов, невежд и проч. Либеральным болтунам, нападавшим на нас, часто даже, будто бы, ради социализма, которого мы, народники, по их словам, не понимали да и народ не поймет, мы отвечали почти дословно⁵ следующее:

Проповедь социальной справедливости необходима в теории только для людей из привилегированных классов, а для народа эта справедливость является в конкретных и в близких ему требованиях. Самый забитый и безграмотный мужик благословит нас

за отмену солдатчины,
за отмену податей,
за изгнание полиции и бюрократии всех видов,
за передачу земли народу,
за даровое и научно-ремесленное воспитание его детей,
за даровую медицинскую помощь во всех видах.

Так думала и говорила молодежь конца шестидесятых годов. Легко теперь понять, с какою радостью приветствовали мы программу Бакунина и весь первый номер его журнала «Народное Дело» (1868). Получив один экземпляр в Петербурге, мы целый месяц сентябрь переписывали и распространяли его; рассылали в Москву и в провинцию. Мы нашли, наконец, в печати ясно сформулированными наши мысли наши заветные стремления.

Отсюда и вновь расцветшая широкая популярность Бакунина, единственного из поколения отцов, ставшего на защиту революционного народничества и хождения в народ. Он стал властителем дум, он вдохновил на великий подвиг самое героическое поколение Росси — поколение семидесятых годов. В этом его бессмертная историческая заслуга.

Теперь, по обнаружении переписки Бакунина с Герценом, мы знаем что его выступление в 1868 году было не случайное, а глубоко продуманный акт убежденного революционера. Оказывается, что, совершенно отрезанный от русского движения, поглощенный социалистической пропагандой в Италии, в сотрудничестве с Фанелли, Фрисчия и других, он, по отрывочным сведениям, по отдельным фактам, угадывал настоящий характер движения, так называемого нигилизма, от которого даже смелый, блестящий и проницательный Герцен готов был отворотиться.

В замечательном письме к Герцену и Огареву, помеченном 19 июля 1866, Ischia, он между прочим писал:

«Согласный с вами в том, что для успеха дела надо огородить его от всего постороннего и лишнего и предаться ему исключительно, я занимался только им и абстрагировал себя от всего прочего. Таким образом, я разошелся с вами, если не в цели, так в методе — а вы знаете: *la forme entraine toujours le fond avec elle...* Ваш настоящий путь мне стал непонятен, полемизировать с вами мне не хотелось, а согласиться не мог. «Я просто не понимаю ваших писем к Государю, ни цели, ни пользы, — вижу в них, напротив, тот вред, что они могут породить в неопытных умах мысль, что от государства вообще, и особенно от Всероссийского Государства и от

---

⁵ Любимая аргументация Ишутина.

представляющего его правительства и государя можно ожидать еще чего-нибудь доброго для народа. По моему убеждению, напротив, делая пакости, гадости зло, они делают свое дело...

„Пестель смело провозглашал разрушение Империи, вольную федерацию и социальную революцию. Он был смелее вас, потому что не оробел перед яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородных, но слепых членов северной организации. Вы же испугались и отступились перед искусственным, подкупленным воплем московских и петербургских журналистов, поддерживаемых гнусною массою плантаторов и нравственно обанкротившимся большинством учеников Белинского и Грановского твоих учеников, Герцен, большинством старой гуманно-эстетизирующей братии, книжный идеализм, которой не выдержал, увы, напора грязной, казенной русской действительности. Ты оказался слаб, Герцен, перед этой изменой, которую твой светлый пронизательный, строго-логический ум непременно предвидел бы, если б не затемнила его сердечная слабость. Ты до сих пор не можешь справиться с нею, забыть, утешиться. В твоём голосе слышится до сих пор оскорбленная, раздраженная грусть... ты все говоришь с ними, усовещиваешь их, точно также как усовещиваешь Императора, вместо того, чтоб плюнуть один раз навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись к ней спиною, обратиться к публике новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и с волею дела. Таким образом ты от излишней нежности к своим многогрешным старикам изменяешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для них, и утешая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на ваш звон снова явятся блудные дети ваши с седыми волосами и совсем без волос из патриотического стада»... (1-го декабря, Стр. 1710), а ты до тех пор, «ради успеха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагом вперед, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значит идти одним шагом впереди перед поклонниками Каткова, Скарятин, Муравьева, — даже перед сторонниками Милютиных, Самариных, Аксаковых? Мне кажется, что между тобой или ими разница не только количественная, но качественная, что между вами ничего общего нет и быть не должно. Они, прежде всего, оставив в стороне их личные и сословные интересы, могущество которых тянет их, впрочем, неотразимо в противный нам лагерь, — они патриоты государственники, ты социалист, поэтому, ради последовательности, должен быть врагом вообще всякого государства, несовместного с действительным, вольным, широким развитием социальных интересов народов. Они, кроме себя и своих интересов, готовы пожертвовать всем человечеством, и правдою, и правом, и волею и благосостоянием народа для поддержания, для подкрепления и для расширения государственной силы, — ты, как искренний социалист, без сомнения готов жертвовать и жизнью и состоянием для разрушения того же самого государства, существование которого несовместимо ни с волею, ни с благосостоянием народа...

«Вы помните, я и тогда не верил⁶, чтобы из среды дворянского сословия могла подняться сила, способная потрясти или только ограничить самодержавие. Вспомните наши споры против Л — а. Как часто мы против него вместе отрицали дворянскую

---

⁶ В 1862 г.

самостоятельность и защищали неумытых семинаристов и нигилистов, эту единственную свежую силу вне народа. Однако, тогда было еще в дворянстве громкое движущее меньшинство — тверское дворянство шло впереди, требуя уравнивания всех прав и земского собора. Огарев сочинил даже проэкт дворянского адреса к царю. Дворянство еще не успело выказать всей таившейся в нем подлости. То было время нелепых надежд... Мы все говорили, писали в виду возможности земского собора... и делали, я, по крайней мере, делал уступки не по содержанию, а в форме, чтобы только не помешать, в сущности невозможному, созванию земского собора. Каюсь и вполне сознаю, что никогда не следовало отступать ни содержанием, ни формой от определенной и ясной социально революционной программы. Знаю, вам ненавистно слово «революция», но что ж делать, друзья, без революции ни для вас, ни для кого нет ни шагу вперед. Вы во имя вящей практичности составили себе невозможную теорию о перевороте социальном без политического переворота, теория столь же невозможная в настоящее время, как революция политическая без социальной; оба переворота идут рука об руку и в сущности составляют одно...

„Мне кажется, что со времени основания московского государства, после убийства народной жизни в Новгороде и в Киеве, после подавления Стеньки Разинского и Пугачевского бунта, в нашем несчастном и опозоренном отечестве правильна и действительна только одна реакция; — то что в истории других европейских стран было только перемежающимся фактом, то у нас составляет факт непрерывный и беспрерывный: то есть, отрицание всего человеческого, жизни, права, воли каждого человека и целых народов, во имя и в единую пользу государства. Разве восторжествовавшее царство штыка и кнута и покорение всякой народной жизни под ним не есть правильная, действительная, необходимая и вместе с тем самая страшная реакция, когда либо существовавшая в мире?...

«Думаю, что первая обязанность нас русских изгнанцев, принужденных жить и действовать за границей, — это провозглашать громко необходимость разрушения этой гнусной империи. Это должно быть первым словом нашей программы. Такое провозглашение было бы непрактично, скажете вы... Против нас подымется всероссийская помещичья, литературная, официальная буря. Будут ругать, — тем лучше; теперь о нас все замолчали и обернулись к нам спиной, — тем хуже. Царь перестанет читать твои письма, — беды нет, ты перестанешь писать их, — выигрыш ясный. Старые лысые друзья от тебя окончательно оттолкнутся и потеряется всякая надежда на их исправление, — чтож, разве ты действительно веришь, Герцен, в возможность и в пользу их исправления? Мне кажется, что между тобою и ими, даже в лучшее время, существовало всегда большое недоразумение...

«Вы приняли литературно-помещичий вопль за выражение народного чувства и оробели — оттуда перемена фронта, кокетничание с лысыми друзьями-изменниками и новые послания к Государю... и статьи в роде 1-го Мая нынешнего года, — статьи, которой я ни за что в мире не согласился бы подписать; ни за что в мире я не бросил бы в Каракозова камня и не назвал бы его печатно «фанатиком или озлобленным человеком из дворян», в то самое время, когда вся подлая лакейская дворяно — и литературно-чиновничья Русь его ругает и ругая его, надеется выслужиться перед царем и начальством, — в то время, как в Москве и в Петербурге наши лысые друзья с восторгом говорят; «ну, уж Михаил Николаевич его пытнет», и когда он выносит все

Муравьевские истязания с изумительным мужеством. Ни в каком случае, мы здесь не правы судить его, ничего не зная о нем, ни о причинах, побудивших его к известному поступку. Я также, как и ты, не ожидаю ни малейшей пользы от царевубийства в России, готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая, в пользу царя временную реакцию, но не удивляюсь, отнюдь, что не все разделяют это мнение и что под тягостью настоящего, невыносимого, говорят, положения, нашелся человек менее философски развитой, но за то и более энергичный, чем мы, который, подумал, что гордиев узел можно разрезать одним ударом, и я искренно уважаю его за то, что он подумал так, и совершил свое дело. Не смотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в своем уважении и должны признать его «нашим» перед гнусной толпой лакействующих царепоклонников...

«В чем же должно состоять новое направление? А прежде всего определите к кому вы должны обращаться? Где ваша публика? Народ не читает, следовательно, вам действовать прямо на народ из-заграницы невозможно. Вы должны руководить тех, которых своими практическими уступками и своим обращением, то к правительству, то к лысым друзьям-изменникам систематически от себя удаляли. И прежде всего вы должны отказаться от всякого притязания, надежды и намерения влиять на настоящий ход дел, на государя, на правительство. Там вас никто не слушает, пожалуй, над вами смеются; там все знают, куда они идут и чего им надо; знают также, что Всероссийское государство кроме петербургских целей и средств, другими существовать не может. Обращаясь к этому миру, вы только теряете драгоценное время и компрометируетесь по пустому. Ищите публики новой, в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля. Только не кормите их полусветом, полуприщиной, недомолвками. Да встаньте опять на кафедру и, отказавшись от мнимой и, право, бессмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, сплеча и не заботьтесь больше о том, сколькими шагами вы опередили свою публику. Не бойтесь, она от вас не отстанет и в случае, нужды, когда вы будете уставать, подтолкнет вас вперед. Эта публика сильна, молода, энергична, — ей надо полного света и не испугаете вы ее никакою истиною. Проповедуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но, давайте ей всю истину, дабы она при свете этой истины могла бы узнать, куда идти и куда вести народ. Развяжите себя, освободите себя от старческой боязни и от старческих соображений, от всех фланговых движений, от тактики и от практики»...

Осенью 1867 г. Бакунин переселился в Швейцарию, где и провел последние годы своей жизни, проживая, то в Женеве и Вене, то в Локарно. Он приехал на конгресс Лиги Мира и Свободы. Лига была задумана радикальной и частью социально-революционной демократией с участием Гарибальди, Эдгарда Кине, Элизе Реклю, самого Бакунина и других знаменитостей того времени. Конгресс Лиги привлек внимание и симпатию передовой демократии всего мира: надеялись на всеобщее разоружение, на прогрессивное законодательство о труде и проч. Бакунин был избран в Комитет Лиги для окончательной выработки программы и устава. Печатаемое ниже «Мотивированное Предложение» (Федерализм, Социализм и Антитеологизм) было написано для второго конгресса Лиги в Берне, в 1868 г.

Одновременно с женеvским конгрессом Лиги, в 1867 г., заседал в Лозанне второй конгресс Международной Ассоциации Рабочих (Интернационал). Единогласным решением конгресс постановил послать Лиге адрес симпатии и солидарности с выражением готовности содействия ей в деле уничтожения постоянных армий, водворения постоянного мира и освобождения рабочих классов. Делегаты Интернационала Оджер, Кремер, Джемс Гильом, Цезарь де Пап и другие были в восторге от речи Бакунина, выступившего, согласно выше приведенной выдержке из письма к Герцену, «чистым социалистом». Да и сам великий сын народа и воин свободы, Гарибальди, принимая делегатов Интернационала, провозгласил: «Война всем трем тираниям — политической, религиозной и социальной. Ваши принципы, господа, тоже и мои». Казалось, что радикальная демократия, по крайней мере передовое меньшинство, пойдет рука в руку с рабочим классом и Лига Мира и Свободы будет в братском союзе с Интернационалом.

Но уже на следующем конгрессе Лиги в Берне (1868) Бакунин и социалистическое меньшинство были вынуждены покинуть ее. Между покинувшими были: Элизе Реклю, Шарль Келлер⁷, Аристид Рей, Жаклар, Фанелли, Фрисчия, Николай Жуковский и другие. Они немедленно основали L'Alliance Internationale de la democratie socialiste. Декларацию принципов нового общества написал Бакунин. Декларация эта, почти дословно, появилась одновременно и по-русски, в виде программы журнала „Народное Дело», которую читатель найдет в конце этого тома. Организаторы Аллианса, люди прекрасной политической репутации, не замедлили объединить, особенно во Франции, в Испании и в Италии, ряд замечательных молодых социалистов революционеров.

Бакунин, лично уже вступивший в Интернационал, предложил Генеральному Совету последнего принять и весь Аллианс в целом составе и с его собственной программой. Генеральный Совет предложил разпустить Аллианс, а членов его, отдельно каждого, согласился принять в Ассоциацию. Став членами Интернационала, Бакунин и его друзья, а особенно Фанелли и Фрисчия, проявили большую активность пропагандистов и организаторов. За короткое время возникли секции и федерации в Италии и в Испании, а в Швейцарии сам Бакунин был неутомим: читал лекции, участвовал в изданиях Интернационала, вел обширную переписку, не пропускал собраний рабочих. Его пропаганда социализма безгосударственного, основанного на свободной ассоциации и на добровольной федерации, встретила горячую симпатию среди самых образованных, талантливых и энергичных интернационалистов. Варлен, Реклю, Малой, Пенди, де Пап, Робен, Брисме, Джемс Гильом, Швицгебель, Перон, Келлер... словом, все те, кто прославились докладами и дебатами на конгрессах и в Парижской Коммуне 1871 г., были с Бакуниным.

Но успех Бакунина и его друзей с безгосударственным социализмом, встревожил государственников, особенно немцев с Марксом, Энгельсом и Либкнехтом-отцом во главе. Хотя немцев в Интернационале было мало, тем не менее случилось так, что генеральный совет великой ассоциации, заседавший в Лондоне, очутился в руках немцев, собственно говоря, Маркса и Энгельса и нескольких малообразованных стариков, немецких рабочих, уцелевших от 1848 года, и послушных орудий в руках

---

⁷ Автор известной песни Интернационала „Ouvrier, prends la machine, prends la terre paysan!»

Маркса и Энгельса. Господа эти, как мы сейчас увидим, мечтали стать диктаторами международного движения и направить последнее на легальный парламентаризм. Естественно, Бакунин и его революционные друзья были им поперек ДОРОГИ. Стало настоятельной необходимостью отделаться от них, удалить их из Интернационала. Они и добились своего... Но какими возмутительными средствами и какой страшной ценою!.. Разбили великую ассоциацию и опозорили себя навсегда в глазах честных людей.

Как все это могло случиться? — А вот как: В 1862 г., на второй всемирной выставке в Лондоне, английские трэд-унионы устроили дружеский прием французским рабочим, приехавшим изучить выставку. На банкете 5 августа, англичане выразили желание установить постоянные сношения между рабочими различных стран. На это французы ответили предложением устроить комитеты для переписки с различными странами о нуждах рабочего класса. Все собрание единогласно приняло предложение французов.

В следующем, 1863 году, в Лондоне была организована большая международная манифестация симпатии польской революции. На митинге, в присутствии французских делегатов, Оджер, один из вожаков трэд-унионов, закончил свою речь о всеобщем мире предложением созыва международных конгрессов рабочих для борьбы с капиталом и для прекращения ввоза из одной страны в другую неорганизованных рабочих.

Первый шаг уже сделан. Второй и решительный был совершен и следующем, 1864 г., когда в Лондон приехали французские делегаты Лимузен, Перришон и Толен уже с определенным планом организации Интернационала. На митинге в Сен-Мартине Гол, на который, по четырнадцати приглашающим письмам секретаря Германа Юнга⁸ пришли, между прочими, овенист Вестон, радикальный профессор Эдуард Бизли (председатель митинга) и Карл Маркс. В ответном адресе, Толен, от имени французов, прочитал:

„Рабочие всех стран, желающие быть свободными, настало время созывать ваши конгрессы! На-род вновь выступает на сцену с сознанием своей мощи против тирании в политике, против монополии и привилегии в строе экономическом... Нам рабочим всех стран, надобно, объединиться...»

Митинг принял эти слова с восторгом и резолюция гласила:

„Выслушав наших братьев французов... принимаем их программу, полезную в деле улучшения условий жизни рабочих классов, и берем ее за основание Интернациональной организации...»

Митинг выбрал комитет для выработки статуты; проэкт которых был предложен французами, Маркс присутствовал зрителем, «молча», как он сам писал Энгельсу.

Так создалась великая Международная Ассоциация Рабочих (Интернационал). Английские и французские рабочие его задумали в 1862 г., в 1863 г. они сделали первый шаг, а в 1864 г. основали его без участия кого бы то ни было из буржуазии. Вся честь создания великого исторического братства народов целиком принадлежит рабочим Англии и Франции. «Интернационал — дитя парижских мастерских, отданное на

---

⁸ Юнг часовщик, швейцарец прекрасно говоривший по-английски, по-французски и по-немецки, был с самого начала другом-товарищем и переводчиком между англичанами и французами.

кормление грудью в Лондон»⁹. Ни немцам, ни Марксу там места не было. А как только, на гибель Интернационала, они вмешались, пошла тайная вражда, клевета, интриги.

В письме к Энгельсу, сам Маркс говорит, что был приглашен на митинг, был простым зрителем и молчал. Деятели, творцами организации были англичане Оджер, Кремер, Лукрафт и французы Толен, Лимузен, Перрашон. В том же письме Маркс очень хвалит и тех и других. «Толен очень хорош; его товарищи тоже прекрасные люди». А впоследствии, когда Интернационал быстро стал во Франции двигательной революционной силой и лучшие его организаторы и ораторы были заключены по тюрьмам, интригующий Маркс не нарадуется их осуждению. «К счастью, писал он своему достойному другу Энгельсу, наши старые знакомые в Париже все под замком». Это язык сыщика и прокурора. Относительно англичан, основателей Интернационала, он был не менее враждебен. Оджер, Кремер, Лукрафт, Поттер и другие честные рабочие пригласили Маркса в члены генерального совета и с полным доверием честных людей передали ему, «старому другу» рабочего класса, все дела и связи. Однако они скоро заметили, что Маркс и Энгельс систематически их оттирают и стремятся стать диктаторами. Что Оджер и друзья не ошибались, тому доказательство в письме Маркса к Энгельсу, от 11 сентября 1868 г., когда Интернационал достиг своей апогеи, а во Франции надвигалась республиканская революция.

«Грядущая революция», писал он, которая, быть может, «ближе, чем то кажется, и МЫ (то есть, Я и ТЫ) будем иметь в наших руках это могущественное орудие... паршивые свиньи между трэд-унионами...» Оджер, Кремер и Поттер нам завидуют в Лондоне... Нет, эти честные люди не завидовали

Марксу и Энгельсу, а заметив их диктаторские интриги, стали отстраняться и, к несчастью, оставили все дело великой ассоциации в руках бесчестных интриганов.

Готовясь к диктатуре, считая Интернационал в своих руках, мог ли Маркс терпеть присутствие умных, образованных, энергичных и красноречивых деятелей в Интернационале? Да еще, в добавок, автономистов, федералистов и анархистов!... Конечно, нет. Особенно Бакунин, с его мировой репутацией революционного героя, швейцарец Джемс Гильом, неутомимый писатель, конференциалист, владеющий лучше самих Маркса и Энгельса древними и новыми европейскими языками, особенно эти двое стояли поперек их дороги к до дикости нелепой цели диктатуры над мировым движением пролетариата. Против них была организована настоящая кампания клеветы, конечно, тайной, под сурдинкой.

Правда, Маркс торжественно обвинял Бакунина в невежестве за его требование уничтожения права на наследство. «Старая ветошь сенсимонизма», объявлял Маркс. Но он забыл, что в его пресловутом Коммунистическом Манифесте, переведенном Бакуниным на русский язык, это самое требование красуется третьим среди девяти пунктов о монополии государства и организации государственной армии труда, особенно для обработки полей по общему плану. Откуда такая забывчивость? Не

---

⁹ Знаменитая фраза учителя француза Бибаль: „Un enfant ne dans les ateliers de Paris et mis en nourrice a Londres».

потому-ли забыл Маркс об этом пункте, что Манифест его и Энгельса не их произведение, а бесстыдный литературный плагиат Манифеста Виктора Консидерана¹⁰ „Principes du Socialisms — Manifeste de la Democratic au XIX siele»? Даже и этим нельзя объяснить забывчивость, потому что именно пункты о монополиях и о наследстве их собственное измышление, которое они повторили в прокламации (1848 г.) к немецкому народу („Ограничение права наследства», пункт 14).

Кроме этого вздорного и крайне недобросовестного принципиального обвинения, Маркс не приводил ни одного. Даже об отрицании государства не упомянуто. Оно и понятно: тогда социализм не был еще превращен немцами в империализм, в казарму и в общественное рабство. Даже гораздо позже, в 1891 г., играя в популярность, Энгельс писал языком анархистов, говоря, что «в социалистическом обществе государство вместе с прялкой будет сдано в музей».

Но ежели у Маркса не имелось против Бакунина аргументов научных, он обладал неиссякаемым запасом злобы и клеветы. Чего только не возводил он на Бакунина, а, кстати и на Герцена... Вот образчик честности гражданина Маркса:

„Бакунин, который с того времени, как он захотел выдавать себя за руководителя европейского рабочего движения, облыжно отзывался о своем друге и покровителе Герцене, сейчас же после его смерти принялся громко его восхвалять. Почему? Герцен, несмотря на то, что он сам был богатым человеком, получал ежегодно 25,000 рублей на пропаганду от дружественной ему псевдо социалистической панславистской партии в России, Благодаря громким славословиям Бакунина эти деньги перешли к нему, и он таким образом в денежном и моральном отношении sine beneficio inventarii вступил во владение «наследством Герцена» — malgre sa haine de lheritage».

И эту гнусную клевету на двух лучших людей русской, да и общечеловеческой свободной, революционной мысли, Маркс написал на бумаге главного Совета Интернационала, усугубляя злостную клевету международным подлогом. Спрашивается, откуда Маркс мог почерпнуть подобные гнусности? Да ниоткуда; сам выдумал. Ведь печатал же он раньше, что Герцен получал деньги от Наполеона III, что Бакунин был тайным агентом русского правительства. Да разве только относительно Герцена и Бакунина Маркс был недобросовестен? А в науке? Ведь присвоил же себе прибавочную стоимость Томсона, книгу которого он раньше цитировал против Прудона; присвоил же из книги Бюре¹¹ историю рабочего законодательства при Эдуарде и Елизавете английских; присвоил же концентрацию капитала; а его друг и сотрудник всей жизни Энгельс так уж и всю книгу Бюре себе присвоил; да кстати и закон минимума заработной платы Тюрго присвоил. Таким людям источников не требуется.

Мы с отвращением остановились на клеветах Маркса и его сподвижников и последователей против Бакунина и Герцена. Мы вынуждены к этому нескончаемым количеством убогих листков и брошюр, повторяющих на русском языке всю безнравственную пошлость патентованных плагиаторов и клеветников. Подумайте

¹⁰ Плагиат Манифеста В. Консидерана Марксом и Энгельсом теперь вполне установлен. Это признал знаменитый литературный критик Георг Брандес в „Berliner Tageblatt» 19 августа 1913 г.; итальянский соц.-демократ Лабриола, и даже сам Каутский принужден признать, что „без сомнения все эти идеи (alle diese Ideen) содержатся в Манифесте Консидерана („Die neue Zeit», 1906, стр. 697);

¹¹ Eugene Buret. „De la Misere des classes laborieuses en Angleterre et en France». Paris 1840.

только, нашелся русский переводчик книги Иекка, в которой о Бакунине сказано нечто такое, что к лицу рабу кейзера, но что недостойно честного человека, а тем паче русского, мало-мальски знакомого с родной литературой. Ведь переводчик и распространитель клеветы сам становится клеветником.

Были и другие причины для клеветы на Бакунина и Герцена. В 1848 г., когда Маркс и Энгельс напечатали первую клевету, Бакунин защищал права, немцами угнетенных, славян, а клеветники защищали немецкое угнетение, отрицали автономные права тех же славян. Это первое. А вот и второе. Согласно пониманию сороковых годов, социальная демократия была синонимом республики, социализма и революции. Французская *Democratie socialiste* Ледрю Роллена, Луи Блана, Флокона и Бланки и совершила Февральскую Революцию, и комиссию социальных реформ учредили под председательством Луи Блана и рабочего механика Альбера. Да и немцы того времени, подражая французам, понимали демократию социальной как республиканскую, что ясно видно из прокламации к немецкому народу (март 1848) подписанную Марксом, Энгельсом, Вольфом и другими, провозгласившую Германию республикой. А в 1868 — 73 вплоть до наших дней немцы, с Марксом, Энгельсом и Либкнехтом во главе, преднамеренно и систематически стали вместо революции пропагандировать эволюцию производственных отношений, легализм и парламентаризм; о республике и поминать забыли; а вместо социальной солидарности равноправных и свободных членов коммун и ассоциации стали пропагандировать организацию армии труда «особенно для земледелия с обработкой полей по общему плану»... по всей империи, вероятно, так как, социаль-демократия, партия имперская, а не прусская или саксонская. А Бакунин, как видно из ниже печатаемых статей, а особенно из „Бог и Государство», звал рабочих и народ к революции для разрушения не только империи, но и всякого государства, и не легальным парламентаризмом, а бунтом, революцией.

Последней каплей, переполнившей чашу злобы и ненависти, была франко-прусская война 1870 г.

Маркс и Энгельс, как в наши трагические дни общеевропейской войны кайзер, Гинденбург, Зюдекум и прочие, объявили, что Бисмарк и Мольтке, разоряя и выжигая французскую территорию, избивая невооруженных крестьян, женщин и детей, вели войну оборонительную!

„Со стороны немцев эта война оборонительная» — „Французов следует высечь» (*Die Franzosen brauchen Prugel*) — „С победой Пруссии централизуется власть государства, что будет полезно для централизации немецкого рабочего класса». — Они до того увлеклись благодетельностью прусских побед, что 31 июля Энгельс писал Марксу: „Первую серьезную победу одержали мы»... (т. е. Мольтке, Вердер, Бисмарк и Энгельс с Марксом). Раз они стали отождествлять свое дело с варварством пруссакого милитаризма, они не задумались и посодействовать Пруссии. В письме от 7 сентября 1870¹² Энгельс писал Марксу, что следовало бы, от имени Генерального Совета, уговорить „Интернационал во Франции воздержаться до заключения мира»... „Ежели возможно повлиять в Париже, следует помешать рабочим вмешиваться до заключения мира» — повторяет он в письме от 12 числа. И это, когда Париж осажден озверевшей ор-

¹² Значит, после провозглашения республики во Франции, после 4 сентября.

дой убийц и грабителей. Подобный совет осажденным у честных людей называется советом предательства и измены. А Маркс, под влиянием Энгельса, выпустил от имени Генерального Совета Интернационала, воззвание, приглашавшее рабочих, не немецких и французских вместе, а только французских, не братья за оружие, не защищать своих близких и свою независимость. Вот документ (он помечен 9 сентября 1870 г.):

„Il ne faut pas que les ouvriers français se laissent entrainer par les souvenirs de 1792, comme les „paysans français se sont laissés précédemment duper „par les souvenirs du premier» („Французским рабочим не следует увлекаться воспоминаниями 1792 г., „подобно французским крестьянам, поддавшимся „перед этим обманчивым воспоминанием первой „империи»).

Так говорили, писали и действовали клеветники. А что писал и делал в этот трагический момент оклеветанный Бакунин?

23 августа, он писал социалистам в Лион:

„Ежели французский народ не восстанет поголовно, пруссаки возьмут Париж... Повсюду народ должен взяться за оружие, должен сам организовать свои силы для войны против вторгнувшихся немцев, для войны разрушительной, войны на ножах... Если вы желаете спасти Францию от рабства, разорения, нищеты на целых пятьдесят лет, вы должны совершить, то, перед чем поблекнул бы патриотический порыв 1792... Дело Франции стало делом человечества. Борясь, становясь патриотами, мы спасем свободу человечества... О, если бы я был молод, не письма бы вам писал, а был бы среди вас»!

Спустя девять дней (2 сентября) Бакунин писал следующие строки:

„Вторгнись во Францию армия пролетариев английских, бельгийских, немецких, испанских, итальянских с развевающимся знаменем социализма революционного и возвещающая миру окончательное освобождение труда, я бы первый крикнул французским рабочим: „Раскройте объятия, это братья ваши, соединяйтесь с ними, чтобы вымести гниющие остатки буржуазного строя». Но вторжение, позорящее ныне Францию, недемократическое и не социалистическое, а нашествие аристократии, монархии, солдатчины. Пятьсот или шестьсот тысяч немецких солдат топят в крови Францию. Они покорные подданные, они рабы деспота, кичащегося своим „божественным» правом... они самые страшные враги пролетариата. Принимая их мирно, оставаясь безучастным к этому нашествию немецкого деспотизма, аристократии и милитаризма на Францию, французские рабочие предали бы не только свою свободу, свое достоинство, свое благосостояние и малейшую надежду на лучшее будущее, они предали бы также и дело пролетариата всего мира, святое дело социализма революционного». Бакунин до того страдал от разгрома Франции и торжества немецкого, мнимого культурного варварства, что не мог усидеть в Локарно и в сентябре месяце, с согласия друзей, поехал в Лион, где и принял активное участие в неудавшейся

---

¹³ В этом очерке мы не можем останавливаться на отдельных эпизодах жизни М. А. Бакунина. Подробный рассказ о восстаниях в Дрездене, Праге, Лионе, о попытке в Болонье, о Коммуне в Картагене, и вообще об испанских движениях начала семидесятых годов потребовал бы большой многотомный труд, подобный труду Д-ра Неттлау. По той же причине мы не коснулись фактической стороны участия Бакунина в жизни и деятельности русской революционной молодежи. (В последующих томах, объясняя значение и повод издания отдельных произведений, мы постараемся пополнить фактическую сторону.)

попытке учреждения революционной коммуны¹³. Глубоко огорченный лионскими событиями, а также и настроением населения Марселя, куда он проехал из Лиона, Бакунин занес в свою рукопись следующие прекрасные строки, полные глубокой скорби и поразительно ясного понимания событий того времени и губительных для демократии последствий немецких побед:

«Я не француз», читаем мы на стр. 154, IV тома¹⁴, «но, признаюсь, глубоко возмущен всеми оскорблениями, наносимыми Франции, и прихожу в отчаяние от ее несчастий. Я горько оплакиваю несчастье этого симпатичного, великого и великодушного национального характера, этого лучезарного французского ума, выработанного, и развитого историей, как будто, для эманципации человечества. Я оплакиваю молчание, которое может быть наложено на мощный голос Франции, возвестивший всем страждущим и угнетенным свободу, равенство, братство и справедливость. И мне кажется, что ежели великое солнце Франции померкнет, затмение наступит повсюду, и какие бы разноцветные фонари ни зажгли резонерствующие немецкие ученые им не удастся заменить простую и великую ясность, распространяемую на весь мир французским гением.

«В тоже время, я убежден, что поражение и подчинение Франции, и торжество Германии, поработанной пруссаками, отбросит Европу во мрак, в нищету, в рабство минувших веков, Я до того убежден в этом, что мне представляется как священная обязанность для всякого, кто любит свободу, кто желает торжества человечества над зверством, какой бы национальности он ни был — англичанин, испанец, итальянец, поляк, русский и даже немец — он обязан принять участие в демократической борьбе французского народа против вторжения германского деспотизма».

Пророческие слова! Победа Германии в 1870 г. привела Европу к настоящей варварской войне, перед которой блекнут все зверства Ксерксов и Аттил, Тамерланов и Османов. Эти герои крови и пожаров были невинные младенцы перед бешеным кейзером и перед его Гинденбургам...

Бакунин с отчаянием и с болью в сердце предвидел надвигавшийся позор европейской цивилизации, но и он, наверно, не мог вообразить и сотой доли кровавых ужасов, совершенных ныне немцами в Бельгии, во Франции и в Польше.

Из приведенных цитат видно вполне ясно, что Бакунин и Маркс были два антипода в политике, в социализме, в Интернационале и в частной жизни. Вражда между ними — вражда двух мировоззрений, двух различных натур и характеров. Характер Бакунина очерчен Герценом в одной фразе:

„В нем было что-то детское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мешан».

Маркс отталкивался от него, но не как простой чопорный мешанин, а как немецкий патриот и враг французской республиканской и революционной демократии. Он не мог простить Бакунину и его талантливым друзьям, особенно Джемсу Гильому, их

---

¹⁴ CEuvres, tome IV. Paris, 1910. Издание под редакцией Джемса Гильома.

защиту Франции против немецких орд кейзера, королей и принцев. Он искал случая отомстить им, и случай скоро представился на Гаагском конгрессе Интернационала в 1872 г., на который делегатов настоящих, выборных приехало очень мало. Зато была многочисленная делегация по бланкам, привезенным, по просьбе Маркса, другом его Зорге из Нью-Йорка. Бланки были розданы друзьям Маркса, даже, не членам Интернационала, как например, Молтману

Бери, агенту английских консерваторов.

Настоящие члены основатели, напр., Герман Юнг, возмущенные этой черной кабалой, отказались ехать, хотя Маркс с Энгельсом два раза приходили в мастерскую Юнга, уговаривали ехать на конгресс, предлагали денег на дорогу и на расходы. Конгресс все же состоялся и подобранное большинство в Гааге изгнало из Интернационала Бакунина и Джемса Гильома. Немцы торжествовали. Но на следующем конгрессе, 1873 г. в Женеве, настоящими делегатами от федерации Английской, Бельгийской, Голландской, Испанской, Итальянской, Французской и Швейцарской (знаменитая Юрская Федерация) гаагские решения были отвергнуты, Генеральный Совет уничтожен и пунктом 3 пересмотренных статуты Интернационала было установлено, что

—
«Федерации и секции Ассоциации вполне автономны, т. е. организуются и ведут свои дела согласно их собственным решениям, без всякого постороннего вмешательства, а равно сами выбирают направление и приемы деятельности, ведущей к освобождению труда».

Таким образом, настоящий Интернационал осудил людей, злоупотребивших доверием рабочих классов и тайком стремившихся содействовать победам немецкого деспотизма над демократической, республикой, только что провозглашенной во Франции. Казалось, Бакунину было дано полное удовлетворение и он мог торжествовать победу. Но поражение Франции, разгром Коммуны, самый скандал и распадение Интернационала глубоко огорчили Бакунина.

Ему исполнилось 58 лет. Годы тюрьмы в цепях сказались в преждевременной старости могучего организма «исполина с львиной головой». Порок сердца все усиливался. Он уединился в Локарно, и последние четыре года своей, жизни провел за работой над большей частью, ныне изданных по-французски, его произведений,

Первого июля 1876 г. Бакунина не стало. Он умер в госпитале в Берне, на руках своих старых друзей Рейхеля и Адольфа Фогта.

На похороны его явились представители социалистов пяти национальностей. Вечером того же дня они собрались на митинг и приняли следующую резолюцию:

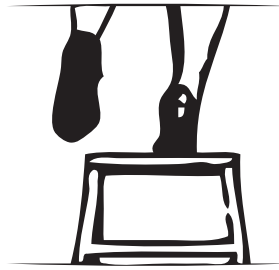
«Рабочие пяти национальностей, собравшиеся в Берне на похоронах Михаила Бакунина, будучи одни сторонниками рабочего государства, другие — свободной Федерации обществ производителей, полагают, что примирение между ними было бы не только очень полезно и весьма желательно, но и легко осуществимо на почве принципов, формулированных в пункте 3 статуты Интернационала, пересмотренных конгрессом 1873 г. в Женеве».

Этот призыв к единению борцов за освобождение труда остается самым лучшим венком, возложенным на могилу Бакунина.

В. Черкезов.

4 октября 1915.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Варлаам Асланович Черкезишвили
Значение Бакунина в Интернациональном революционном движении
4 октября 1915

Скопировано 15.10.2018 с <http://mirror2.ru.indbooks.in/?p=160444>

ru.theanarchistlibrary.org